

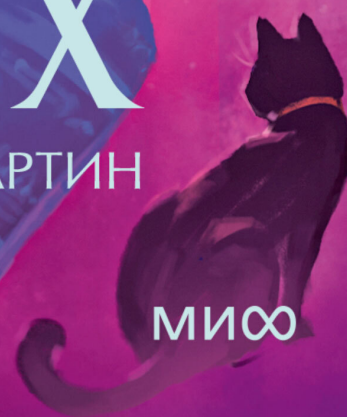
GADEZZ

БЮРО НЕНОР- МАЛЬНЫХ ДЕЛ

ПОХИТИТЕЛЬ КАРТИН

МИСТИКА

МИО

МИФ Проза

Gadezz

**Бюро ненормальных
дел. Похититель картин**

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

Gadezz

Бюро ненормальных дел. Похититель картин / Gadezz — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2026 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-281056-7

В Лондоне, где реальность пронизана невидимыми нитями между двумя мирами, лишь девианты – люди со сверхспособностями – держат оборону против темных сил Изнанки. Когда из картинной галереи поступает вызов, за расследование берется Бюро ненормальных дел, чьи сотрудники – не самая организованная команда в городе. Обнаруженный ими призрак невесты становится лишь первым звеном в цепи событий, которые выведут героев на куда более опасный след.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

ISBN 978-5-00-281056-7

© Gadezz, 2026
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2026

Содержание

Информация от издательства	6
Предисловие	7
Пролог	8
Глава 1. Чай, сахар и доброта	11
Конец ознакомительного фрагмента.	27

gadezz
Бюро ненормальных
дел. Похититель картин

Информация от издательства

Книга не пропагандирует употребление алкоголя. Употребление алкоголя вредит вашему здоровью.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© gadezz, 2026

© Оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *

Предисловие

Дорогой читатель!

Спасибо, что решили заглянуть в Бюро ненормальных дел. Изначально я планировала написать историю о сплоченной команде одаренных героев, которые мастерски раскрывают преступления. Что ж... сплоченная команда у меня действительно получилась. Насколько – судить вам.

Эта диалогия – единое полотно. Если в процессе чтения у вас возникнет чувство, что в ваших руках пазл, – доверьтесь ему. Некоторые нити тянутся гораздо дальше, чем может показаться на первый взгляд, и многие ответы терпеливо ждут своего часа в продолжении.

В качестве дополнительных ключей к этому миру вам встретятся выдержки из «Руководства по ненормальным делам». Эти фрагменты могут оказаться теми самыми недостающими кусочками общей картины.

Приятного погружения. И как говорят на «Линии 13.0», берегите реальность.

1871 год. На фоне политического хаоса и краха власти во Франции участились необъяснимые явления. Париж охватила паника. В рамках работы экстренных комиссий по наведению порядка был создан специальный орган – тот, что позднее назовут Министерством странностей.

Отрывок из «Руководства по ненормальным делам. Хронология наблюдений и вмешательств». Гриф: совершенно секретно

Пролог

Наши дни

С момента пропажи отца прошел год...

Руби сидит на перилах Вестминстерского моста, свесив ноги. Кофе уже остыл. Она шелкает резинкой по запястью. Раз. Второй. Третий. *Ей следовало* выбить дверь главы Штаба и запросить разъяснения. *Ей следовало* вырвать документы о деле зубами и поискать ответы самой. А еще *ей следовало* настоять и пойти с отцом. Но Гидеон Дефф – девиант старой закалки, привык все делать сам. Возможно, поэтому их команда и не умеет работать слаженно, а из Руби так и не получается достойного коменданта Центрального бюро вместо отца.

Руби по-прежнему приходит сюда – на его любимое место. Она садится на перила и наблюдает за Темзой. Не из сентиментальности, а из привычки – они куда живучее чувств. Сантименты – препятствие на пути к цели. Они не вернут ей отца и не повернут время вспять, зато с радостью провернут через мясорубку бесполезных страданий.

Руби поворачивает голову и смотрит на другой берег. Отсюда Часовая башня словно рассекает город надвое: на обывателей, по привычке цепляющихся за прошлое с его Биг-Беном, и на тех, кто принял ее официальное имя – Башня Елизаветы. Люди не замечают, как меняется под их носом реальность. Для Руби же названия – это всего лишь переменные в отчете, которые можно отредактировать. Конструкция под ними остается прежней. На этом и держится ее вера: пока механизм исправен, а часы не отстают, мир застрахован от хаоса.

Фонари, будто соглашаясь, с треском подмигивают – признак слабой, но устойчивой аномалии. Розоватый туман стелется по мостовой. Руби прикрывает веки, вдыхая запах водорослей и ила. Делает глубокий размеренный вдох, стараясь не дать мыслям расползтись. Позволишь им разбежаться по углам – потом не отыщешь. Укусят в самый уязвимый момент.

Она перекидывает сперва одну ногу через парапет, затем вторую.

Из тени появляется высокая полупрозрачная фигура.

– Вновь терзаете свою душу, мисс Дефф?

Руби даже не вздрагивает.

– А вы, как и всегда, раздражающе педантичны, Джим.

– Как и смерть. – Он приподнимает цилиндр и кланяется.

На нем угольно-серое пальто. Ткань отливает синевой, и если присмотреться, то можно разглядеть изъеденную молью шерсть. Бархатный воротник дополняет бордовый, почти черный, шелковый галстук-аскот, за который в драке схватили бы первым.

На лацкане – булавка, а из кармана свисает цепочка часов, застывших в момент его гибели – ровно на шести минутах седьмого. Он держится прямо, как человек, которого жизнь много раз пыталась положить на лопатки, но так и не смогла. Вместо глаз – два белых пятна, затянутых мутной пленкой.

Джим рассказывал, что в злосчастную ночь Темза покрылась тонкой коркой льда, а птицы падали прямо с неба. Он говорил об этом так спокойно, почти равнодушно, словно зачитывал новостную сводку из еженедельной газеты, а не рассказывал страшную сказку, подобную тем, что печатались в жутковатых бульварных книгах¹.

Такие призраки, как Джим, привязаны к месту. Достаточно даже слабого аномального фона, чтобы после полуночи удержать спектральную форму. Но есть и те, кто заточен в предмете – артефакте. Такой сотрудник работает с ней в Бюро – Клод. Как хорошо, что он не здесь. Клод бы упал в обморок только от одного вида бумажного стаканчика с кофе, который она оставила на парапете.

– Вы обещали рассказать. – Руби скрещивает на груди руки. – Но исчезли. *Опять.*

– Я сказал: *возможно*, расскажу.

– Мне нужны ответы, Джим.

– Ответы редко приносят облегчение. Вам ли не знать, мисс Дефф.

Руби вцепляется в лямку своего портфеля.

– Вы видели его в ту ночь, да?

Джим вздыхает.

– Я вижу многих. И я видел его. *Тогда.* – Сердце Руби будто замирает на мгновение. – Ваш отец не выглядел напуганным.

– А стоило бы! Ведь он оставил меня! – Руби прикусывает щеку, тут же коря себя за сорвавшийся голос.

На губах Джима появляется тень сочувствия.

– Иногда побег – единственный выход, мисс.

Она делает угрожающий выпад, пытаясь дотянуться до надоедливой призрака, но его фигура растворяется в дымке и появляется уже на парапете, покачиваясь на каблуках лакированных туфель.

Руби знает, что не смогла бы коснуться его. Однажды, когда она осмелилась дотронуться до призрака, ее рука прошла насквозь, а кожа покрылась колющей изморозью. Но порыв *снова* опережает разум. Джим не способен обрести материальное тело в слабой аномалии. Однако стоит ее активности вырасти – призрак станет опаснее. Помнить об этом – залог выживания.

В свете фонаря на бледной коже Джима проступают багрово-синюшные пятна, а с подола пальто – капля за каплей – стекает жижа и сползает тина. Он смотрит сверху вниз – с легкой улыбкой и бесконечным терпением мертвеца.

Ноздри Руби раздуваются, и она надрывно бросает:

– Почему вы не хотите рассказать?

Джим пожимает плечами.

– Потому что вы и сами еще не готовы услышать правду. Глупо открывать дверь тому, кто все еще держится за ручку с той стороны. Понимаете?

Руби отзывается неразборчивым звуком.

– Вы всегда путаете меня дурацкими загадками.

– А вы все еще верите, что ответы должны быть прямолинейны. Милая привычка. Такая, – он отводит печальный взгляд в бездну реки, – *живая.*

– Вы здесь, потому что Министерство позволяет вам, – озвучивает мысли Руби. – Не забывайте об этом, Джим.

– Верно, мисс. Так бы вы с радостью отправили меня на тот свет. И есть ли он вообще?

Она проводит рукой по парапету, где бьется узел аномалии.

¹ Речь идет о The Penny Dreadfuls. Это дешевые сенсационные книги или брошюры, выходившие в Великобритании в XIX веке, особенно в 1830–1890-х годах. Они печатались по одной главе за неделю, стоили пенни (отсюда реппу) и были рассчитаны на массового, в основном молодого, читателя. *Здесь и далее примечания автора.*

– Я же дала слово, что не сделаю этого. Отец пообещал вам то же. Вы в безопасности. Джим еле слышно усмехается.

– Ах да... Ваше великодушное обещание. – Он делает паузу, склонив голову к плечу. – Так трогательно. Слово, данное призраку, – это почти как ключ, брошенный в реку. Обещает выход, но на дне никому не нужен.

Руби хмурится, но не отвечает. Джим продолжает чуть мягче, почти ласково:

– Ох, мисс Дефф, ваше упрямство – и спасательный круг, и камень на шее. Если совсем отчаетесь – приходите снова, и, быть может, я поделюсь с вами чем-то важным...

– Разве вы не видите, что я уже растеряла надежду? – Руби разводит руками.

– Вовсе нет, мисс. – Джим кланяется. – Вы не похожи на человека у грани. Отчаявшиеся люди не ищут ответов.

Совсем рядом – из тумана, за мерцанием огней – доносится звон колокольчика. Руби на секунду отводит от Джима взгляд, а когда возвращает, призрака уже нет. Только фонарь над ее головой гаснет и вспыхивает снова.

Руби остается наедине с разъедающей скорбью. Часовая башня все так же рассекает город надвое. На тех, кто способен отпустить, и тех, кто все еще держит.

«Что, если, – думает про себя Руби, – я тоже... цепляюсь за прошлое?»

Она качает головой, вытряхивая непрошенные мысли, и тихо произносит в пустоту:

– С днем рождения. С днем рождения *меня*.

Глава 1. Чай, сахар и доброта

Бюро ненормальных дел (от *фр.* bureau – кабинет, отделение) – оперативные подразделения Министерства странностей. Первое Бюро было создано в Париже, после чего модель внедрили в других крупных городах мира. В лондонском секторе функционируют три филиала с четким территориальным делением: Центральное бюро, Саут-Бэнк и Ист-Энд. Структурно Бюро подчинены Главному штабу – региональному представительству, которое осуществляет прямую координацию с Министерством. Любое отклонение от установленной вертикали управления считается должностным нарушением.

Отрывок из «Руководства по ненормальным делам. Основы странностей»

Неделю спустя

Руби

В одном из узких переулков района Блумсбери всегда меньше света, чем на соседних улицах, – возможно, экономия на муниципальных фонарях, а может, дурацкая планировка. Здесь прячутся тени, а прохожие ускоряют шаг, не задерживая взгляд на старом кирпичном фасаде с потемневшими швами.

Утром район превращается в полосу препятствий, где все пытается отвлечь Руби: из пекарни неподалеку тянется аромат свежеспеченного хлеба, а кофейня заманивает посетителей запахом молотого кофе. Воздух дрожит от шума машин, шелеста газет и обрывков чужих разговоров.

В такие дни Руби безрадостно закрывает шторы. К обеду переулок захлебывается в суете: книжный магазин по соседству напоминает о себе бесконечным звоном колокольчика, а офисные сотрудники хаотично мигрируют между заведениями, создавая заторы на тротуарах. Витрины антикварного салона пустеют и вновь заполняются мелкими безделушками: вещи приходят и уходят, не дожидаясь ценника.

Вечером улица стихает, а нагретый солнцем асфальт начинает остывать. Лавки закрываются, и можно услышать, как гудит старый кондиционер. Надо подать заявку на ремонт, но у Руби всегда находятся дела поважнее.

Солнце уходит за крыши, и тени вновь заползают в переулок, где и располагается ничем не примечательный на первый взгляд офис Бюро. В него ведет деревянная дверь, на которой закреплена табличка: «Дефф & Ко. Режим работы: приходите, когда будем». У чугунной ручки – замочная скважина в форме глаза. В полумраке ее почти не видно, но те, кто знает, куда смотреть, никогда не промахиваются.

Для большинства – это юридическая контора среди сотен таких же, разбросанных по всему Лондону. Внутри посетителей встречают приемная с продавленным диваном, который давно пора бы списать, и стойка, где сидит миссис Черри, увлеченная вязанием даже летом.

Дальше по коридору несколько кабинетов и тесная кухня, на которой никогда не остывает чайник, а в стеклянной банке вместо печенья обычно лежат засохшие крошки. В глубине – пыльный архив со стеллажами до самого потолка. Все в этом офисе немного отстаёт от времени, но работает как часы – только часы эти всегда идут на пять минут назад, что всегда изрядно раздражает Руби.

Сейчас из приемной доносится рой голосов. Через минуту дверь кабинета распахивается, и в проеме появляется раскрасневшаяся Камилла. Белоснежная блузка помята и покрыта странными фиолетовыми пятнами, которые, судя по всему, она с усердием старалась отстирать.

Камилла затаскивает чемодан и царапает пластиковыми колесиками недавно отреставрированный порог. Руби недовольно постукивает по бумагам ручкой. С исчезновением ее отца Центральное бюро утратило свою значимость, поэтому Министерство подбрасывает им самую незавидную работенку: от поимки безобидного призрака, донимающего крохотную библиотеку, до инвентаризации в Главном штабе, вызывающей зевоту. Руби бесит не сам процесс, а то, что их заставляют пересчитывать хлам, пока стоящие дела пылятся без внимания. И эта смена не исключение.

Руби сидит в отцовском кресле не по размеру. При каждом повороте оно поскрипывает, напоминая о грузе ответственности, который она тащит в одиночку, и о том, что любая деталь, не справляющаяся с давлением, рано или поздно подлежит списанию и замене.

– Дай угадаю, все пошло не по плану? – Руби открывает папку с делом.

Словно не слыша, Камилла снимает с шеи медальон, который путается в длинных рыжих волосах, и с презрением кладет его на дубовый стол.

– Никогда больше. Слышишь? *Никогда больше* я не поеду с ним в командировку.

Она сбрасывает туфли и падает на велюровую кушетку, которую – как здесь шутят – украли у неприлично богатого психотерапевта. Руби считает ее верхом непрактичности: вычурные львиные лапы, избыточная громоздкость и совершенно неуместный пафос. Но пока вещь функционирует, она остается на месте.

Руби опускает экран ноутбука.

– Похоже, вы отлично провели время.

Камилла закидывает ноги, обклеенные пластырями, на чемодан, от которого исходит запах горького миндаля и серы – верный признак недавнего контакта с аномалией.

– Ха-ха. Ерничай. Посмотрела бы я на тебя, застрянь ты на месяц в американской глуши с комплектом одежды максимум на неделю! В Штабе нас совершенно точно недолюбливают. Логистика отвратительна!

Она тянется к утреннему выпуску «Аномалиста», который лежит на столе, но Руби накрывает газету стопкой папок. Министерство жестко контролирует распространение информации. Единственными верифицированными источниками правды остаются газеты, радио и официальные сайты, где следят, чтобы ни одна буква не выпала из утвержденной повестки.

– Сперва отчет, Кэм.

– Издеваешься? Да мы только приехали!

– У тебя долг в два месяца. – Руби сводит брови, принимая, как ей кажется, грозный вид. Дисциплина – это то единственное, что отделяет их от хаоса.

Камилла сбрасывает волосы с плеча и пытается играть невинную жертву обстоятельств.

– Месяц.

– Два, включая штрафной. Думаешь, я не в курсе твоей коррупционной схемы?

– Не понимаю, о чем ты. – Она хлопает ресницами, уклоняясь от ответа. – Я всего лишь покупаю миссис Черри пряжу, а взамен эта радушная леди помогает мне со скучной бумажной волокитой.

– С коррупционной схемой, – поправляет Руби.

– Да брось! Это называется бартер.

– Это называется должностной подлог и уход от ответственности. – Руби вздыхает, понимая, что спорить бесполезно.

– Как тут душно... – Камилла обмахивается ладонями, как веером.

Руби напускает фальшивой серьезности:

– Непохоже на тебя, Кэм. Дурное влияние Эша?

Камилла приоткрывает рот, но ее отвлекает серебристый медальон: он дребезжит, изливаясь холодным голубоватым светом. Через мгновение на другом конце комнаты появляется Эш и лениво облокачивается на стеллаж. Старомодный костюм сидит отлично, а светлые волосы идеально уложены – впрочем, как и всегда.

– Леди, прошу вас, оставьте драму криминальной хронике.

Он лучезарно улыбается, демонстрируя ямочку на правой щеке – прием, который на Руби никогда не работает. А вот на Камиллу влияет особенным образом. Она подхватывает с пола туфлю и запускает ее в Эша. Туфля пролетает насквозь, разбивая его фигуру, как дымку, и ударяется о шкаф. На верхней полке опасно покачивается хрустальный череп.

– Ай. – Эш разглаживает несуществующие складки на своем пиджаке и поправляет прическу. – С таким темпераментом, мисс О’Брайер, вы останетесь старой девой.

Камилла прикрывает веки и делает глубокий вдох, будто представляет себя на занятии по йоге. А затем говорит так, чтобы Эш ее точно услышал:

– Убийство – плохо. Это не решение проблем. Подбросить медальон в магазинчик комиксов? Утопить в матче? Нет, ты не такая жестокая. А как насчет... – Она резко распахивает глаза. – Приюта для кошек?

Эш притворно охает:

– Только не кошки! У меня аллергия!

– Нет у тебя ее, – вспыхивает Камилла. – Ты просто сноб!

Он разводит руками:

– А могла бы быть!

Руби ставит локоть на край стола и подпирает подбородок ладонью, наблюдая за уже привычной ссорой. Камилла, покрывшись багровыми пятнами от переизбытка чувств, угрожающе взмахивает руками, закатывает глаза, пыхтит и при любой возможности не упускает случая поддеть Эша. В ответ он напускает безразличие, но от Руби не утаить, как сквозь него просачивается тень легкой улыбки.

За десятилетия в одиночестве, проведенные внутри медальона, Эш ценит каждую минуту вонне – хоть сам в этом никогда не признается. Даже если это не высшее общество аристократов с накрахмаленными воротничками, а группка неудачников из старого офиса. Такого, где напротив подают паршивый кофе в бумажных стаканчиках, а вместо драпированных портьер и мраморных каминов – сквозняк из щелей и вентилятор с барахолки за пару фунтов, *«тарахтящий, как омнибус² на бульварной мостовой»*. Его слова.

Впрочем, это всего лишь догадки. Залезать в чужие головы, анализировать и раскладывать все по полочкам, как дела в картотеке, – работа отца. Руби же большую часть времени скорее притворяется, что разбирается в людях. А притворство никогда не было ее сильной стороной.

Когда атмосфера в кабинете накаляется, в Руби просыпается вредный ответственный взрослый. Она привлекает к себе внимание постукиванием тяжелой печатью Министерства странностей.

– Итак, что там произошло? – Руби пролистывает открытое досье. – В Гровроузе. Месяц на устранение проблемы? Вызов подмоги в последний момент? У руководства возникнут вопросы.

Камилла с прищуром смотрит на Эша:

– Я сразу же сказала, что нам нужна помощь. Напомни, что ты ответил?

Эш задумчиво водит указательным пальцем по губам:

– Что у тебя в зубах застрял лист салата?

² От лат. omnibus – это большой пассажирский экипаж, запряженный лошадьми, курсирующий по регулярному маршруту в Лондоне XIX – начала XX века.

– До этого! Хотя молчи. – Камилла обращается к Руби, пародируя Эша: – Он сказал, цитирую: «Ты драматизируешь, О’Брайер».

– Брось! Не говорил я таким лошеным голоском, – Эш оскорбленно поправляет воротник, – но да, облажался, признаю. А кто надел туфли на высоком каблуке и кого пришлось спасать от фиолетовой мерзости?

– Я бы надела обувь поудобнее, если бы *кое-кто* не убедил, что мы... – Камилла вновь входит в образ, изящно взмахнув кистями рук. – Справимся и сами.

– По крайней мере, я не строил глазки мертвецу, чье имя звучит как доска для оккультизма³.

Камилла возмущенно округляет рот:

– Будь он девушкой, ты бы первый бросился ее очаровывать. Ах да! Напомнить, что вместо помощи ты часами разгуливал по розарию?

– Прости. Не каждый день обретаешь телесность. – Эш застывает, картинно выпучив глаза. – Минуточку. Мисс О’Брайер только что назвала меня очаровательным? Конец света близок?

Руби с силой захлопывает папку, возвращая их в рабочее русло.

– Вы нашли узел аномалии?

– Два, – одновременно отвечают они и тут же зыркают друг на друга.

– О’Брайер обнаружила билборд.

– А сэр Эшкрофт – дуб.

Эш снимает воображаемую шляпу:

– Едва не угробив и себя, и весь город.

Руби пытается переварить информацию, а затем зажимает уши ладонями.

– Допустим, я этого не слышала. А раз не слышала, то и в отчетах мы это не укажем. Всем ясно? – Они активно кивают, и она показывает на огромный чемодан: – А там что? Помимо вещей «максимум на неделю».

Камилла пинает его голой пяткой, но тот настолько тяжелый, что даже не сдвигается.

– Проклятые вещицы из Африки. Нашли в казино и на всякий случай изъяли.

Эш прокашливается в кулак:

– Похитили.

– Одолжили до выяснения обстоятельств, – поправляет Камилла, стараясь придать грабежу легальный вид.

– И каков ущерб от аномалии? – вклинивается между ними Руби, представляя перед собой гору из отчетов, которые предстоит заполнить.

Она знает, что случаев массового пурпурного тумана известно всего два: Гровроуз и Ревенвуд. Подобные аномалии редки, и упаси боже наткнуться на еще одну такую. Они разрастаются незаметно, закливают сценарии, ломают время, создают реплики⁴ погибших людей и порождают существ, которых не захочется встретить даже в кошмаре.

Камилла увлеченно рассматривает облупившийся маникюр – явный признак, что она пытается уклониться от прямого доклада.

– Ущерб? – Она нехотя пожимает плечами. – Ну, то да се.

– Кэм, – строгим, не терпящим пререканий тоном одергивает ее Руби.

³ Доску для оккультизма также называют доской Уиджи. Уиджи – один из главных персонажей книги «Мертвые мальчишки Гровроуза».

⁴ **Пурпурный туман** возникает там, где скапливается слишком много негативных эмоций: страха, вины, горя. Эпицентрами таких аномалий чаще всего становятся умирающие города и заброшенные поселения. Главная особенность пурпурного спектра – создание **реплик**. Это отпечатки личностей людей, погибших внутри тумана. Некоторые из них питаются кровью живых. В отличие от обычных призраков, они целены и способны к развитию. «*Что есть человек, если не совокупность его выборов? Мы привыкли считать тело единственным доказательством жизни, но если слепок способен чувствовать и меняться, то в какой момент отражение становится подлинником?*» (Из мемуаров Эмили Розье.)

– Город выжат. Повезло, что наш сотрудник смог распознать угрозу и вовремя отправить письмо в Штаб. Хотя «вовремя» – это еще громко сказано. Американцы такие несобранные...

– Часовщик? – уточняет Руби

– Ага. – Камилла теребит рукав блузки. – Столько лет никто даже не догадывался, что аномалия вернулась. Если бы не случай, кто знает, сколько бы еще это продолжалось...

– Ресурсов не хватает, Кэм. Ты же понимаешь.

Камилла ерзает на кушетке, нарушая тишину кабинета шорохом велюра.

– Да-да. Я в курсе. Но не кажется ли вам, что все стало бы куда проще, если бы правда всплыла наружу? Об оживших суевериях, аномальных зонах, проклятиях и... – Она кивает в сторону стеллажа. – Надоедливых призраках.

Эш прикусывает щеку, словно не хочет сболтнуть лишнего, а Руби – в свойственной ей теперь манере – цитирует отца:

– Нельзя убедить людей в том, что они не способны увидеть. Огласка привела бы к хаосу.

Камилла рассеянно смотрит перед собой:

– А может, хаос – это то, что нам нужно? Чтобы система наконец сорвалась с ржавых петель.

Эш едва слышно вздыхает:

– Знаешь, что бывает в таком случае? Падает не только потолок, но и стены. Иногда – на головы тех, кто ни в чем не виноват.

– И вот они снова заговорили метафорами... – бурчит про себя Руби, и повисает неуютная пауза.

Офисный вентилятор скрипит, разбавляя неловкость. Камилла отворачивается, задумчиво изучая узор на ковре, а Руби мысленно возвращается к свежей статье: «Эффект слепой зоны: почему человеческое сознание не выдержит правды». Автор утверждает, что мир держится не на порядке, а на *неведении*. Большинство людей слепы, и именно это делает их жизнь устойчивой.

Экономика, политика и общественный порядок держатся на вере в то, что реальность стабильна. Стоит сказать правду вслух, и возникнет то, что в статье называли «эффектом неосознаваемого хаоса»: когда человек понимает, что угроза есть, но не в силах ее разглядеть.

Такое знание не успокаивает – оно разъедает. Общество одолеет паника. Люди будут бороться с тем, что для них незримо, – как с ветряными мельницами. Только «мельницы» действительно существуют. Именно в этом, вспоминает Руби, и заключался главный вывод статьи: *нельзя объяснить то, что человек не способен понять*.

Ее пальцы сжимаются в кулак. Мысль Камиллы кажется наивной, но совершенно понятной. У каждого свое желание порядка. Однако порядок для людей и порядок для девиантов – две совершенно разные конструкции.

Камилла моргает, будто отойдя ото сна, и тихо произносит:

– Иногда я думаю: может, я просто устала.

Руби обменивается взглядом с Эшем, но не успевает ответить. Дверь кабинета распахивается, с грохотом ударяясь о стену, – ограничитель пора менять. Гипсовый Давид угрожающе кренился на полке. На пороге появляется Астрид. Ее ярко-синие дреды собраны в высокое гнездо на макушке. В них торчат карандаши, упаковка от мятной жвачки и, кажется, канцелярский нож.

– Есть обращение. В галерее Тейт разрастается аномальный фон. Охрана сообщает о проблемах с системой кондиционирования.

Руби мгновенно переключается. Личная философия уходит на второй план, когда появляется задача.

– Кто источник?

Астрид листает данные на планшете, блики экрана отражаются в ее очках:

– Запрос пришел от патруля. От нас – первичная верификация и оценка по ШИАД⁵. Надо выезжать.

Камилла обувается, возвращаясь в рабочий режим.

– Маскировка?

Астрид отвечает, не отрываясь от экрана:

– Контроль микроклимата. Я уже распечатала наклейки. И... – Она улыбается, оголяя брекеты с цветными резинками. – Милое фото, Бонбон.

Камилла замирает.

– О чем это ты?

Руби машет Астрид, чтобы та замолчала, но Камила уже вытаскивает свежий выпуск газеты из-под стопки папок и тарашится на него, приоткрыв рот. Астрид достает смартфон.

– Твою ж мать! – вскрикивает Камила. – Мы на первой полосе! Погодите-ка...

Она присматривается, приближая страницу почти к носу, и по кабинету разносится вопль:

– У меня в зубах долбаный салат!

Астрид поднимает смартфон, и вспышка света съедает кабинет. Разворачивается потасовка. Так начинается самый обычный рабочий день в Бюро ненормальных дел.

Призрак – спектральный отпечаток сознания, возникший в момент гибели человека внутри аномальной зоны. В большинстве случаев призрак лишен целостной личности и повторяет один и тот же травматический сценарий. В исключительных случаях наблюдается сохранение полной структуры личности. Такие сущности способны осознанно взаимодействовать с реальностью и формировать новые воспоминания, однако остаются критически зависимыми от состояния своего артефакта-якоря. Повреждение якоря приводит к призрачной эрозии. В розовом спектре фонарика с чипом **Animatech** следы призраков имеют градиент от бирюзового до синего (чем старше аномалия, тем темнее цвет). Сами призраки всегда отливают синевой, а их глаза затянуты белой пленкой.

Отрывок из «Руководства по ненормальным делам. Основы странностей».

Гриф: совершенно секретно

Клод

Фамилия «Эшкрофт» никогда не казалась Клоду старинным холстом, покрытым благородным налетом веков. Она не украшала свитки с родословными герцогов и баронетов. Скорее он видел в ней свежий слой липкого лака, который нанесли в спешке, чтобы скрыть грубый набросок неприглядного прошлого.

Его дед был человеком деловой хватки и необъятных амбиций, который сменил прежнюю фамилию, после того как разбогател на текстиле. Дед хотел, чтобы имя звучало достойно; чтобы на балу не переспрашивали дважды; чтобы оно не резало слух аристократии; чтобы на конвертах и визитках оно смотрелось уместно. Так и появился новый род Эшкрофт.

Позже отец Клода, сэр Годфри, добавил к этой картине финальный штрих: оформил пожалование герба – ветви ясеня на молочном фоне. Весьма недурная композиция, если не

⁵ **ШИАД** (Шкала Измерения Аномальной Деформации) – протокол оценки нестабильности реальности по пяти параметрам. Суммарный балл определяет класс угрозы. При низком уровне (0–2 балла) отклонения для гражданских лиц незначительны и чаще ограничиваются локальным похолоданием. Финальная стадия (11–12 баллов) классифицируется как катастрофа и подлежит немедленной зачистке силами ликвидаторов. *Отрывок из «Руководства по ненормальным делам. Основы странностей».* *Гриф: совершенно секретно.*

присматриваться. Но Клод с юных лет подмечал изъян: в закатном свете ткань гобелена менялась, а дерево увядало на глазах, словно истина пыталась проступить сквозь зыбкую выдумку.

Однако даже после смены фамилии в аристократических кругах на семейство все равно посматривали свысока. *«Новодельные, пусть и портной у них с Сэвил-роу»*, – шептались за спиной. Поэтому Клод с детства понимал: он должен соответствовать. Должен быть более Эшкрофтом, чем сам король – Георгом. Должен быть настоящим, а не поддельным – элегантным, выдержанным, благородным. Обязан доказать, что их род достоин уважения, даже если герб появился на стене не по праву рождения.

После того как два старших брата пали на фронтах Первой мировой, оставшись в памяти лишь застывшими фигурами в траурных рамах, сэр Годфри обзавелся молодой супругой – Клариссой. Тогда и появился на свет Клод, став последним преемником угасающего рода. Он рос в просторном особняке на окраине Лондона, с ранних лет чувствуя, что этот дом принадлежит теням прошлого гораздо больше, чем ему самому.

Увы, над их родом навис злой рок. Мать Клода перенесла тяжелую хворь, едва не отойдя на тот свет, и с той поры жизнь в ней начала выцветать. Каждое новое зачатие становилось трагедией, размывая ее рассудок, как вода размывает акварель.

Клод замечал, как она замыкалась в себе и подолгу не выходила из спальни. В такие темные дни в доме становилось так тихо, что было слышно, как скрипят половицы в соседнем крыле. В конце концов болезнь привела ее в психиатрическую лечебницу – место, о котором в семье предпочитали не распространяться, где она и закончила свои дни. Клоду было одиннадцать.

Смерть сыновей и жены надломила отца Клода. Он начал пить и терять хватку: его рука, когда-то уверенно державшая поводья семейного дела, дрожала, сжимая стакан с виски. Экономический кризис ворвался в особняк холодным сквозняком, выдувая последние остатки благополучия. Банк, хранивший их сбережения, прогорел, и положение семьи стало катастрофическим.

Попытки отца отыгаться за карточным столом напоминали Клоду работу неумелого реставратора: он стремился залатать дыру в холсте, но лишь делал разрыв шире. Вещи исчезали одна за другой, будто детали натюрморта, которые стирали ластиком: сперва подлинники картин и коллекционные тома, потом мебель, затем – прислуга. От прежней роскоши остались стены, вязкая тишина, подпорченная репутация и гобелен с гербом, который выглядел как горькая карикатура на родовое достоинство. В этой шаткой, гнетущей реальности, среди пустеющих залов, и проходила юность Клода.

Став старше, он часто возвращался мыслями к матери. В его памяти ее образ был написан в технике нежной пастели: мягкие руки, скользящие по его волосам у пруда; хрупкий взгляд, в котором не было жестокости, а лишь усталая ласка. Клод тосковал по ее соловьиному голосу, который наполнял сад по утрам, когда дом еще нехотя пробуждается, кутаясь в утренний туман. И вместе с теми драгоценными осколками прошлого неизменно поднимался густой, осязаемый запах мастерской: аромат бумаги, терпкого угля и свежей масляной краски.

Мать любила рисовать – столько, сколько Клод себя помнил. Но после вынужденного замужества страстное увлечение выродилось в лишенный притязаний девичий досуг – занятие, которое сдержанный отец скорее терпел, чем одобрял. И если она плакала – в надежде, что ее никто не слышит, – Клод догадывался: это были слезы по безмятежному детству в отчем доме, по рисованию на веранде и по будущему, которое увядало так же неотвратимо, как камелии в заброшенной оранжерее.

Но если мать была ласковым поцелуем в прогретую солнцем макушку, то отец – тяжелой рукой на плече, пригвождающей к земле. Он неустанно повторял: *«Будь безупречен – и этого достаточно»*. В такие мгновения, наперекор укладу, мать уводила Клода в тень, прикладывая

прохладную ладонь к щеке на его персиковой щеке и шептала: *«Будь счастлив, мой мальчик. Этого достаточно»*.

Где-то в зазоре между «будь безупречен» и «будь счастлив» возникло его убежище – *живопись*. Клод впитывал любовь к искусству с младенчества. Он не выдумывал, не творил свое, а копировал. Филигранно. Одержимо. Точно. Сначала ради забавы, затем – ради выживания. Подростком он повторял старинные полотна, и вскоре его дар заметили нужные, пусть и весьма сомнительные, люди. И Клод не чувствовал вины. Для него это стало надежным подспорьем, хотя все еще недостаточным, чтобы вернуть утраченное положение.

В двадцать один год все, что он строил, поглотило пламя. Клод не знал, был ли виноват отец, опрокинувший лампу, или это была месть кредиторов. Особняк выгорел дотла, превратившись в груды пепла и обугленных балок. Много лет спустя, уже будучи частью Бюро, Клод узнал, что медальон-артефакт с его портретом всплыл в одном из музеев. На обратной стороне расцвела камелия: лепестки уложены так, будто мастер – штрих за штрихом – пытался приручить хаос штихелем⁶. А внутри – гравюра: «Зимний цветок для летнего мальчика». С тех пор Клод часто смотрел на свои руки в перчатках и думал о том, что город навсегда запомнил его как обманщика, погибшего в огне со своими подделками.

Мир давно изменился, а Клод остается прежним – застрял меж двух миров в обличье призрака. В Бюро его зовут Эш. Он носит костюмы и галстуки, блюдет манеры и старается держать спину прямо. Но страх огня и ощущение поддельности – не только в картинах, но и в нем самом – не отпускает его и по сей день...

Иногда, когда в Бюро становится тихо, Клоду кажется, что память – это полотно, на котором слишком много ретуши. Он чувствует себя собранным из фрагментов, как сложная мозаика, старательно подогнанная под рамку. Так, он помнит вкус яблок из сада в особняке, но не их цвет. Помнит голос матери, хотя порой тот звучит так странно, будто его наложили поверх другой записи.

– Земля вызывает Эша, – жужжит над ухом назойливый голос Астрид. – Прием-прием.

Клод промаргивается и отрывает взгляд от окна фургона, где луна-полумесяц то возникает, то вновь тонет в облаках, словно раздумывая, стоит ли вообще участвовать в происходящем. Ветер с Темзы приносит прохладный воздух; редкий гудок речного катера вмешивается в монотонное пиликанье приборов, а под оранжевыми фонарями поблескивает еще влажный после дождя асфальт.

– Прости, задумался.

– Дай угадаю, если я попрошу тебя повторить, что я сказала...

– Ты сказала, – перебивает ее Клод, – *Эш, прекрати любоваться своим ослепительным отражением в стекле*. – Затем он очаровательно улыбается и добавляет: – С прискорбием подчиняюсь твоей просьбе.

С водительского сиденья в него летит смятая бумажка, и, не будь Клод прозрачен, она наверняка угодила бы ему в лоб. Астрид фыркает, сует стилус обратно в дреды и тут же тараторит:

– Заходим через сервисную зону, а оттуда – в сторону северного крыла. Охрану уточняю. На первом уровне один или два. Круг – примерно каждые пятнадцать минут.

Клод с внимательным видом кивает, как на премьере самой переоцененной оперетты своего времени:

– Увлекательно, продолжай.

Он выводит на стекле невидимое слово «скука» и вновь возвращает взгляд на засыпающую улицу, ища более увлекательный сюжет.

⁶ **Штихель** – ручной граверный резец с коротким стальным клинком и грибовидной рукояткой; им вырезают тонкие линии и штриховку по металлу (серебру, золоту, латуню).

Фургон Бюро прячется в тени широколиственных платанов неподалеку от служебного въезда галереи Тейт. На борту – свежие наклейки фирмы по контролю микроклимата, на крыше – спутанные гроздья антенн. Изнутри тянет остывшим кофе из термоса и мятной жвачкой.

Ожидание действует на нервы.

Руби с силой оттягивает резинку на запястье и отпускает. Щелчок звучит резко, почти неприлично, как удар пастушьего кнута. В его эпоху дамы выражали недовольство куда поэтичнее. *Не проще ли упасть в обморок?*

Камилла гасит дальний свет и нетерпеливо барабанит пальцами по рулю, разглядывая полупустую улицу Аттербери. Волосы стянуты в длинный рыжий хвост, продетый сквозь кепку. В приоткрытое окно врывается колючий осенний ветер, принося запах прелой листвы и мокрого камня. В такие минуты Клод с радостью подмечает, что не чувствует ни холода, ни жары.

Кондиционер не работает уже неделю, как и окно, которое застревает на середине. Однако никто из команды так и не удосужился отогнать фургон в ремонт. Все терпеливо ждут, пока «мамочка» Руби разберется – так же основательно, как когда-то это делал ее отец.

Сама Руби сидит на пассажирском кресле с планшетом на коленях и пледом на плечах. Она сосредоточенно сверяет две пары часов на запястьях – электронные и механические. В аномалиях легко затеряться. И не только в пространстве, но и во времени.

За перегородкой скрывается сердце фургона: узкий столик, три монитора, стойка с приборами и беспорядочная грудa вещей, не разобранных с прошлых вылазок. Астрид поджимает одну ногу под себя и с осторожностью покачивается на складном стуле. Рядом, подсвечивая аппаратуру холодным, почти больничным светом, сидит Клод – полупрозрачный, как отпечаток на стекле.

– Что по показателям? – включается в работу Руби.

Астрид стучит по клавиатуре, выводя на центральный монитор план здания.

– По ШИАД: умеренный уровень. Перехватила датчики. Во всей галерее температура понижена, но в одном из залов особенно. Пересылаю координаты.

Клод чувствует знакомое предвкушение, которое привык прятать, как постыдный секрет. Наконец он вновь ощутит себя живым, вдохнув полной грудью воздух.

Камилла присвистывает:

– Умеренный? Миленько. А так и не скажешь... – Она вытирает пот с виска тыльной стороной ладони.

– В эфире помехи. – Астрид не отрывается от мониторов, делая вдох лекарства через ингалятор. – Это уже тянет на балл. И раз мы улавливаем отклонения снаружи, то размер аномалии явно больше сорока футов. А это уже плюс два балла. Точнее посчитаю, когда вы окажетесь на объекте.

Руби проверяет фонарик⁷, и на миг салон окрашивается в розовый.

– Рации готовы?

– Уже настроила. – Астрид вытаскивает из корзинки компактные кирпичики с гарнитурой и раздает команде.

– Так, – продолжает она инструктаж. – Все по нашей схеме. Заглохнем в ноль...

– ...Возвращаемся в фургон, – добывает Камила, теребя кончик хвоста.

Астрид разворачивает экран к ней и Руби:

– Подшаманю с допуском. Главное, не смотрите в камеры, и все будет хорошо.

⁷ **Модифицированный фонарик** с чипом **Animatech** – устройство для выявления спектральных следов, оставленных призраками. Спектральные данные не фиксируются стандартной фотооптикой и требуют использования линз или сканеров, сертифицированных по стандарту **Animatech**. Отрывок из «Руководства по ненормальным делам. Основы странностей». Гриф: совершенно секретно.

За время работы в Бюро Клод привык к странному языку коллег – к оборотам, которые поначалу вынуждали его переспрашивать, уточнять и делать мысленные пометки. Теперь же он воспринимает их частью нового лексикона: пытается неловко и невпопад использовать их, чем неизменно вызывает смешки. Впрочем, он предпочитает верить, что Астрид, при всей своей сумасбродности, не собирается в действительности прибегать к шаманским практикам сомнительного толка.

– Принято. – Руби закрепляет рацию на поясе, прячет провод под ворот, а микрофон с тангентой⁸ цепляет за воротник и зажимает кнопку передачи: – База, прием.

– Слышу чисто, – откликается Астрид. – Кэм?

– На связи. Прием.

– Отлично. – Руби натягивает кепку, подхватывает с пола рюкзак и открывает дверь. – Выходим. Постарайтесь не привлекать внимание. И помните, – она оборачивается и заглядывает в салон, – героям – спасение мира, а нам?

– Работа! – хором отвечает команда.

На мониторах вспыхивает тревога, и Астрид едва не падает со стула.

– Ребят... – Она сглатывает и торопливо щелкает по клавиатуре. – Не хочу вас подгонять, но температура в залах падает слишком быстро.

Девианты (от *лат.* Homo Devians – «человек отклоняющийся») – люди, чьи психофизические показатели вышли за пределы нормы вследствие спонтанной мутации. Согласно классификации Министерства, девианты подразделяются на четыре класса. Любое применение способностей неизбежно влечет «плату» – каскад побочных психосоматических эффектов.
Отрывок из «Руководства по ненормальным делам. Обскуры и девианты».
Гриф: совершенно секретно

Камилла

Камилла всегда знала: жизнь – это правильно подобранный образ. Она родилась в Инвернесе, среди суровых шотландских пейзажей: тяжелое свинцовое небо, ковры из фиолетового вереска и туман, который обволакивал горы, словно полупрозрачный занавес перед началом великой драмы. Там, в тени высокогорья, она впервые научилась менять лица. Это был их с отцом секрет, их личная гримерка, о которой не знали ни братья, ни сестры, ни даже мать.

Отец был единственным, кто ее понимал. После его смерти Камилле пришлось рано повзрослеть. Пока ее сверстницы репетировали монологи в школьном театре, она играла роль главы семьи: была опорой каждый раз, когда их дом погружался в хаос после очередной выходки матери.

Когда они уезжали из Инвернеса, всем казалось, что горе останется позади – заплутает в горах и больше никогда не найдет дорогу обратно. Но оно забралось к ним в машину и проехало тысячу миль до Уиттершема, не давая вздохнуть. Горе стало их вечным багажом, который нельзя было забыть на обочине. Камилла несла его в себе, бережно укрывая слоем наивной надежды на то, что однажды все изменится.

С детства, как и любой ребенок, она грезилла будущим, в котором ее мать была точно такой же мамой, как и любая другая. Но раз за разом реальность врзалась в их дом, как фура на огромной скорости, и жизнь приходилось отстраивать заново. Перемены – то, чего ждал

⁸ **Тангента** – кнопка или клавиша переключения с приема на передачу на переговорном устройстве, телефонном аппарате или радиостанции.

каждый в семье. Перемены – то, чего каждый научился бояться. Этот парадокс до сих пор сбивает Камиллу с толку, заставляя искать подвох там, где его, возможно, и нет.

Повзрослев, она тайне грезилась о свете софитов и настоящих подмостках, но реальность привела ее в Бюро. Здесь платили стабильно, и Камилла с легкостью играла примерную сотрудницу, но внутри нее все еще жил тихий, изматывающий страх: а что, если этот затянувшийся антракт и есть ее настоящая жизнь?

По сей день Камилла чувствует себя случайным предметом реквизита, который по ошибке занесли не на то представление. И очередное действие разворачивается прямо сейчас, в промозглых сумерках Лондона, где вместо театрального грима на лица ложатся тени от городских фонарей.

Улица Аттербери пуста. Она тонет в полутьме, а от Темзы веет прохладой, илом и водорослями. В кронах деревьев шуршит ветер. Неподдалеку бухтит кондиционер. Над служебным входом мигает старая желтая лампочка, а с дороги долетают шум редких автобусов и отголоски сирены. Воздух вокруг пахнет сыростью, свежескошенной травой и озоном – так ощущается ее родная Шотландия после затяжного ливня.

Не доходя до двери, Камилла останавливает Руби, схватив ее за локоть:

– Дальше попадаем под камеру.

Руби опускает тяжелую сумку с оборудованием на асфальт. Камилла присаживается рядом, открывает замок и смотрит внутрь. Теперь каждый прибор нужно «переодеть» во что-то более будничное.

Так, модифицированный пирометр превращается в рожковые и накидные ключи, гравиметрический детектор искажений – в набор отверток, скрутка проводов – в резонансный демпфер, а портативный лидар для сканирования пространственных искажений становится мало отличимым от лазерной рулетки.

– Твоя очередь. – Камилла поднимается, чувствуя в руках жжение. Скоро оно станет навязчивым и перекинется на лицо, разукрашивая его красными пятнами. Таков неизбежный гонорар за смену образа.

Руби встает напротив. Камилла кладет ладони ей на плечи, сосредоточиваясь на образе. Важно не переборщить: чем меньше нюансов приходится удерживать в ментальной примерке, тем дольше живет иллюзия. Камилла выстраивает ее в уме слой за слоем.

Сперва появляется сеть мимических морщин в уголках глаз. Затем проступает пигментация на щеках – верный признак того, что эта женщина проводит на солнце гораздо больше времени, чем офисный клерк. Челюсть обретает волевой изгиб, а нос слегка искривляется.

Следом руки. Эта незначительная деталь однажды чуть не выдала их. Камилла переворачивает ладони Руби вверх и представляет, как кожа на них грубеет. На пальцах проступают мозоли, а под ногтями темнеют следы от мазута.

С голосом сложнее. Связки маскировке не поддаются, так что Руби предстоит отыгрывать партию самостоятельно: снизить тон, имитируя привычку перекрикивать шум стройки.

– Эша бы удар хватил от одного взгляда на эти заусенцы, – Руби с усмешкой разглядывает новый маникюр.

Камилла фыркает, слишком живо представляя лицо их штатного эстета.

– Если спросят, почему опоздали, скажем, что машина заглохла и пришлось лезть под капот. – Закончив маскировку, она вытирает испарину со лба. – И спасибо за синяки под глазами, ты облегчила мне работу. Кстати, когда ты в последний раз спала в кровати, а не в кабине отца?

– На мне куча бумажной волокиты, – отрезает Руби.

– Ее было бы меньше, найми мы еще одного сотрудника. – Камилла отходит на шаг и маскирует медальон с Эшем под рабочий бейджик.

– Много болтаем. – Руби подхватывает сумку и направляется к двери с табличкой «Только для персонала». – Пошли, пока аномалия не разрослась до масштабов «упс, как оно так вышло».

Камилла следует за ней, закатив глаза.

– «Упс, как оно так вышло»? Да было всего раз.

– Или два, – подтрунивает Руби.

Камилла на ходу подправляет свой облик, стараясь не отставать.

– Не моя вина, что Эш засмотрелся на свое отражение. Я была занята делом! – Она небрежно откидывает хвост с плеча. – И не я разлила острую лапшу на панель в фургоне, когда нужно было следить за показателями.

– «Дело» – это так ты называешь маникюр рядом с узлом аномалии?

– Стратегическое подпиливание ногтей и точечное устранение заусенцев, прошу заметить! Я просто ждала, пока Эш принесет кейс с резонатором.

– Тот самый, который вы с ним забыли в фургоне?

Камилла поднимает руки вверх.

– Виновна!

– С таким подходом нам никогда не опередить остальные Бюро.

– Знаешь, – Камила обгоняет ее, разворачиваясь к ней лицом. – Иногда цифры – это просто цифры.

– Иногда премия – это просто премия, – парирует Руби.

– Ай! – Камила прикладывает ладонь к сердцу, изображая смертельное ранение. – Это было больно.

Руби мнетя, пожевывая щеку. Камила драматично выдыхает, давая ей зеленый свет:

– Что? Говори уже.

– Да нет, ничего.

– Руби-Роуз Дефф!

Она нехотя отвечает, растягивая слова:

– Ты стала рассеянной, Кэм. Это из-за...

Камилла сильнее сжимает ручку сумки, и в этот миг густая тень улицы накрывает ее с головой.

– Мать названивает целыми днями. Я выслала ей последние накопления, но ей все мало. Для нее каждая годовщина – это лишний повод устроить сцену. Спасибо, что не рассказала остальным про... Ты поняла. Когда она заявила в прошлый раз прямо под окна Бюро, было...

– Было неловко. – Руби мягко улыбается. – Но не настолько, чтобы ты из-за этого переживала. А миссис Черри не выдаст тебя команде, даже если они будут шантажировать ее пряжей или – о боже! – заставят распустить готовый свитер. Она не сдастся.

Камилла смеется.

– Спасибо. И тебе, и ей. Кстати, я слышала, – она наклоняется и заговорщицки шепчет, хотя на улице и так ни души, – что миссис Черри однажды остановила грабителя спицами. Бедняга перепутал наше Бюро с обменником на соседней улице и очень сильно об этом пожалел.

Руби косится на нее с недоверием.

– Неужели? Мне рассказывали, как она обмотала его пряжей и непринужденно попивала чай до приезда полиции.

– Похоже на вымысел.

– Согласна. Но предпочитаю не отвлекать ее от вязания. Целее буду.

– О да. – Камила чувствует, как тревога отступает, и поднимает взгляд к небу, затянутому тяжелыми тучами.

До полуночи остаются считанные минуты, и воздух вокруг начинает стучаться. Она знает: спешить нет смысла. Днем и до глубокой ночи аномалии ведут себя как робкие дебютанты: они

слабо активны, прячут свои изломы и трещины. Но стоит стрелкам сойтись на полуночи – и все сокрытое в тени валится на город, как содержимое переполненного шкафа с костюмами.

Обыватели, попавшие в опасную зону, часто даже не догадываются, что за сюжет разворачивается у них под носом. Свою внезапную головную боль они послушно списывают на давление, а пропажу вещей – на обычную забывчивость. Они и не подозревают, что за их мигренью стоит призрак вредной соседки, а ключи прячет разгневанная балерина, запечатанная в антикварной шкатулке еще век назад. Для них это – досадные мелочи, для Камиллы и ее команды – работа.

Бывает так, что простые жители становятся свидетелями незримых явлений. И чем травматичнее пережитый опыт, тем серьезнее последствия. И несмотря на ущерб, задача сотрудников – его минимизировать, чтобы обыватели продолжали верить в скучный, но безопасный мир.

Заметив, что камера направлена прямо на них, Камилла легким рывком дергает Руби за комбинезон. И они наклоняют головы, чтобы спрятать лица.

Оптика не верит в иллюзии. Она игнорирует наложенные слои маскировки так же легко, как не замечает плывущий в воздухе розовый туман или блуждающих призраков. Для камеры не существует аномалий – только свет, падающий на матрицу, и две фигуры, которые объектив выхватывает из тени с пугающей четкостью.

Они останавливаются под козырьком, натянув на глаза кепки. Камилла бегло смотрит в сторону таблички «Посторонним вход воспрещен» и прочищает горло:

– Ладно, театр начинается с вешалки, а наше шоу – с маленького обмана. Готова?

Руби зажимает кнопку звонка. Домофон пиликает. Возникает непреодолимое желание убежать, от которого по спине – вдоль позвоночника и к шее – ползут мурашки, тот самый знакомый мандраж перед школьным спектаклем. *«Каждый выход на дело – как вечер премьеры»*, – однажды сорвалось у нее с языка, и эта ночь не станет исключением.

Камилла расправляет плечи, вживаясь в роль. Стоит представить, что за ней следит полный зал зрителей, – и волнение тут же уходит за кулисы. Туда, где она когда-то проводила бесконечные дни в качестве гримера: в одиночестве и с полным ощущением собственной никчемности.

Динамик трещит, и через него прорывается огрубевший голос мужчины:

– Служебный вход. Кто вы?

– Доброй ночи. Подрядчики по микроклимату. Прибыли по заявке на ночную проверку.

– Опаздываете. Сколько вас?

– Двое.

Охранник замолкает. Внутри – в области груди – нарастает тревога, но стоит услышать короткое «Проходите», как дышать становится легче, словно в душном зале включили кондиционер.

Замок щелкает – и металлическая дверь на магнитах открывается. Руби наваливается на нее. Камилла протискивается вперед и шепчет:

– Держись рядом.

В их спектакле есть одно неочевидное ограничение: маскировка – это не статичная декорация. Стоит Руби отойти дальше десяти футов, и она выпадет из зоны действия. Тогда весь труд мгновенно превратится в тыкву, а их, непутевых Золушек, под конвоем выведут прямоком в участок.

Камилла облизывает пересохшие губы и проходит по коридору, ориентируясь на шум радиоприемника. Над головой гудит система вентиляции. Слева появляется будка поста, где за стеклом расположились мониторы с камерами. Рядом – рамка металлодетектора с разметкой на полу, а на стене висит ряд ярко-синих жилетов с нашивкой «Персонал».

За стеклом сидит полноватый лысый мужчина. Он лениво листает автомобильный журнал, сжывая подушечки пальцев. Когда Камилла и Руби появляются перед ним, он одаривает их скушающим взглядом поверх крупных очков и вновь возвращается к чтению.

У рамки их ожидает его напарница: поджарая мулатка с волосами, стянутыми в тугий пучок, и выправкой, будто ее только вчера выперли из армии. На запястье висит браслет из разноцветных бусин, который выглядит на ней как яркая вспышка в темном зале.

Камилла кладет сумку на столик для досмотра, стараясь, чтобы ее движения выглядели естественно-небрежными. Она протягивает удостоверения через окошко и произносит главную реплику:

– Говорят, у вас тут температура упала.

– Со вчерашнего дня сбои, – женщина отвечает с легким мексиканским акцентом и ухмыляется. – Задница этого baboso⁹ уже к стулу примерзла.

Охранник хрипловато смеется:

– Мне за это платят, а тебе за болтовню – нет.

– Язык бы тебе отрезать, baboso, да не хочется попасть под радары миграционной службы.

Он пододвигается к столу – колесики стула противно скрежещут по полу, как плохо смазанная театральная фулка.

– Вижу заявку, – приглушенно доносится из-за монитора. – Фамилии?

Руби называет поддельные данные – четко, по сценарию. Охранник вбивает их в программу, вздернув брови.

– Мой племянник – ваш ровесник, но вместо честного труда предпочитает свесить ноги с шеи сестры и, прости господи, искать себя. Поколение лентяев и тунеядцев. А вы молодцы. Не боитесь испортить маникюр.

Камилла поворачивается к Руби, картинно демонстрируя ей огрубевшие рабочие ногти. Руби едва сдерживает улыбку.

– Не завидую я вам, дамы. – Охранник протягивает пропуска с удостоверениями. – У нас и с электричеством перебои. Надеюсь, вы не боитесь темноты.

Он шмыгает носом, плотнее закутываясь в плед, и снова утыкается в журнал.

– Нет, сэр. А вы... увлекаетесь машинами?

– Ага. Выбираю внучке что поприличнее.

Камилла бросает взгляд на разворот журнала. Старая «Корона». Надежная рабочая лошадка, если вовремя менять масло и не убить коробку передач. Она помнит звук довольного движка. Отец научил ее слушать железо так же внимательно, как она сейчас слушает звуки холла.

В этот момент женщина-охранник сухо прокашливается, привлекая внимание. Она забирает сумку и начинает внимательно перебирать «инструменты». Камилла мгновенно считывает смену темпа: забирает документы, но, будто невзначай, оставляет на стойке связку ключей и только после этого отходит за линию разметки.

– Все нормально, мэм?

– Да. – Женщина заканчивает осмотр, заводит большие пальцы за ремень брюк – туда, где висит электрошокер, – и кивает на рамку: – По одной, пожалуйста.

Руби проходит первая.

– Хорошо. Встаньте вон там, – женщина указывает на голубую метку в конце помещения.

Невидимая нить между ними натягивается до предела, и маска слабеет: в ней появляются мелкие дефекты, как на старой киноплёнке в проекторе. Дыхание учащается. По пояснице скатывается ледяная капля пота.

⁹ Baboso – в мексиканском сленге «болван, тупица».

Если ничего не предпринять – начнется паника. Их повезут в отделение полиции, где они проведут час-другой в ожидании адвоката-девианта, которого пришлют из Штаба. Воспоминания о случившемся подчистят, но на следующее утро миссис Черри обнаружит в почтовом ящике бумажку со штрафом и будет сетовать на их беспечность весь оставшийся день.

В последний раз, когда их Бюро так знатно облажалось, всех членов команды чуть не уволили разом. А все началось с прожорливой чайки, банановой кожуры и толпы китайских туристов... Но то – совсем другая история, о которой в стенах офиса лучше помалкивать.

Камилла интуитивно подходит, пытаясь подобраться к Руби. Женщина-охранник тут же скидывает ладонь – как строгий режиссер, прерывающий репетицию:

– Погодите. Проходим по очереди.

– Да, простите, я... – Камилла делает еще пару шагов к стойке, сокращая разрыв до безопасного минимума. – Забыла ключи. Потеряю – придется вызывать мастера, а эту малышку уже не выпускают.

«А еще документы на нее остались в мамином доме, – добавляет она уже про себя. – И возвращаться туда я не планирую».

Внутри стеклянного куба охранник отрывается от журнала. Взгляд цепляется за логотип на брелоке.

– Это «Сааб»? Был у меня такой лет эдак тридцать назад.

– Да, девяносто второго года. – Камилла старается говорить небрежно, хотя внутри вся дрожит от напряжения.

Его взгляд загорается интересом:

– Редкая теперь птичка.

Камилла чуть улыбается.

– Да, но и детали добыть все сложнее.

– Понимаю, – кивает он. – Такой нужна забота, а не ямы и спешка. Вы уж берегите ее.

– Постараюсь. – Камилла поджимает губы и убирает связку ключей в карман как ни в чем не бывало.

– Проходите, – велит женщина, чуть раздраженно покачивая головой. Вид у нее такой, будто она хочет сказать вслух: «Ох уж эти любители металлолома».

Сердце отбивает дробь. На шее – холодный металл медальона, замаскированный под бейдж. Камилла проходит через проем, и рамка не реагирует.

– Ладно. Инструменты забирайте и держитесь маршрута. Понадобится помощь – свяжитесь с нами через охрану.

– Принято, – отвечает Руби, подхватывая сумку.

Они двигаются дальше по служебному коридору, минуя технические помещения. И когда отдаляются достаточно далеко, чтобы их не услышали, Руби наклоняется к Камилле:

– Эй, ты как?

– Бывало и хуже. – Она потирает предплечья, пытаясь согреться. – Чувствуешь?

– Да. Мы рядом.

Чем ближе к узлу аномалии, тем сильнее падает температура. Это не просто мороз, а ледяное покалывание в кончиках пальцев, от которого волосы на шее встают дыбом. У Камиллы пульс частит, как двигатель с перебоями в зажигании. Она старается дышать ровнее, считая про себя до десяти и обратно, но тревога не отступает.

Руби же, напротив, бодро идет впереди – собранная, как отлаженный механизм, полностью поглощенная задачей. Ее уверенность передается Камилле, словно импульс по проводам, но этого заряда хватает ненадолго. Подступающий страх снова дышит в затылок, нашептывая жуткие сценарии, которые способны разыгаться в этих стенах. А случиться может всякое...

Каждый сотрудник-девиант знает три важных правила: слышишь шепот – не поворачивайся к нему спиной; взлетел уровень опасности – покинь опасную зону и доложи об инциденте

на «Линию 13.0»; когда пространство меняет архитектуру и разрушается – беги, ты стоишь на пороге провала в Изнанку.

Камилла впитывала эту жизнь с тех пор, как у нее проявились способности. Другим детям – тем, что росли в атмосфере нормальности, – рассказывали страшилки о монстрах под кроватью и про чудовищ из шкафа, а в семьях девиантов пугали вещами куда опаснее.

Нет такого месяца, чтобы на первой полосе еженедельного выпуска «Аномалиста» не напечатали жутковатые подробности о потерявшихся в аномальном лесу сотрудниках, чьи тела позднее находят в нескольких милях от происшествия, словно они проскользнули в кротовую нору. Остается лишь надеяться, что в тот момент они все уже умерли.

Бывает, безобидный выезд заканчивается трагедией. Так, в прошлом году сотрудница Ист-Эндовского Бюро – одного из трех в Лондоне – пропала, оставив от себя лишь клочок синего шарфа в телефонной будке. Очевидцы сообщили, что видели бегущую по мосту девушку. Джим, надоедливый призрак, уверял, что не заметил ничего подозрительного. И в этом вся его суть – оставаться незаметным и не замечать ничего вокруг.

Подобные Джиму – это лишь отпечатки бывших личностей. Как косметичка, из которой растерялись почти все баночки, тюбики и палетки: накраситься можно, но полноценный макияж из такого набора уже не сделаешь. Эш отличается от них, а поэтому раздражает только сильнее.

В завещании отец Руби написал (а умирать он не собирался), что медальон с Клодом Надоедливым выскочкой Эшкрофтом торжественно и со всеми почестями (на самом деле нет) вручается ошарашенной этим заявлением мисс О’Брайер. И с того дня она искренне верит, что ее прокляли. Иначе как объяснить, что их Бюро снова влипло в очередную неприятность?

Перед носом вырастает дверь с табличкой «Галерея». Камила и Руби обмениваются молчаливыми взглядами и одновременно толкают ее. Руби щелкает фонариком, делает шаг в неизвестность. Мягкий розовый свет скользит по стенам, прогоняя тьму, и по галерее эхом разносится женский смех.

Камилла медленно, будто в затянутом кадре, поворачивается к Руби и твердо, со всей решимостью, заявляет:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.